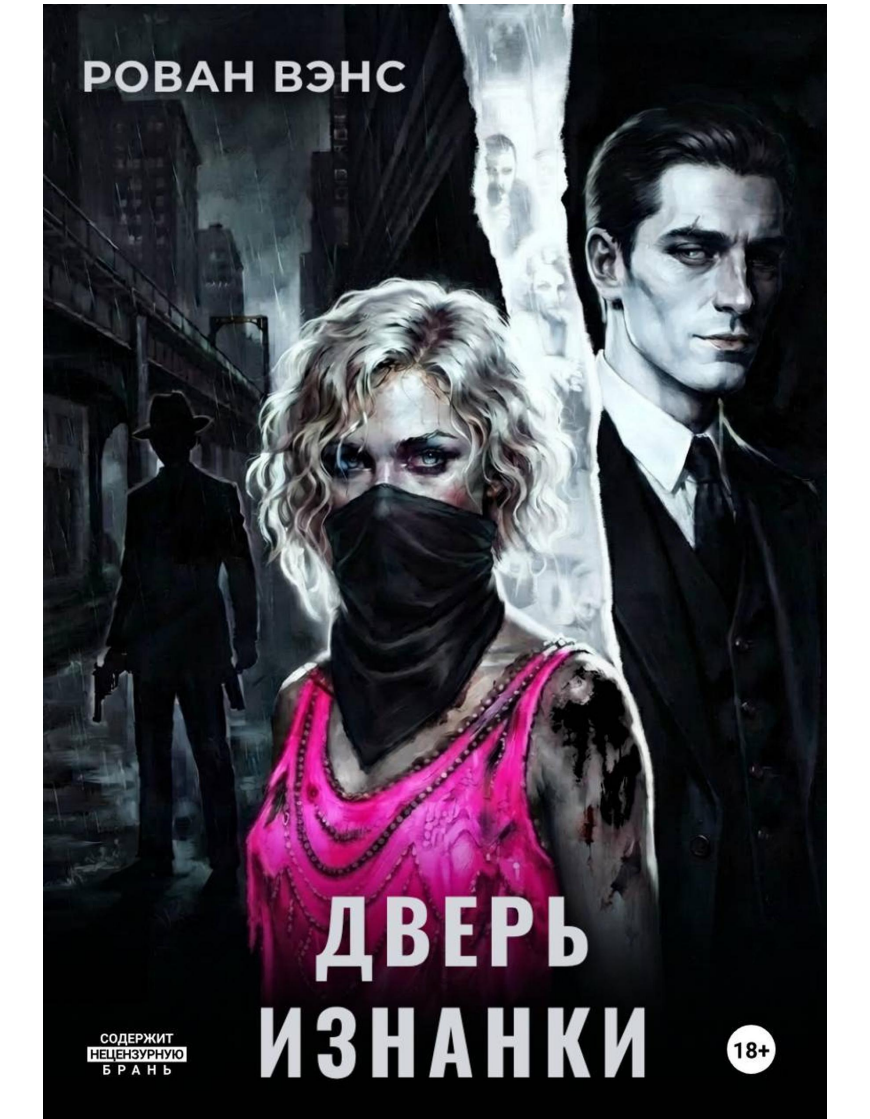

РОВАН ВЭНС

ДВЕРЬ
ИЗНАНКИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Рован Вэнс

Дверь Изнанки

<https://litres.ru/74363544>

SelfPub; 2026

Аннотация

Чикаго, 1923. Джаз гремит, контрабандный виски льется рекой, а озеро Мичиган выносит слабаков к пирсам по вторникам.

Тесс по прозвищу Снежинка не боялась быть среди них — лучшая взломщица синдиката Моретти вскрывает любые сейфы и не задаёт вопросов. За это ей платят и прощают норвежский акцент со скверным характером.

Но один заказ меняет всё. Вскрыть сейф. Забрать платок. Выйти.

Она не знает, что кусок старого шёлка нужен не только её боссу. Что человек в сером пальто уже вписал её имя в отчёт с грифом. И что вещи такого рода выбирают хозяйку сами — а выбрав, не отпускают.

К рассвету за ней будет идти весь город.

Полиция окажется самой безобидной из погонь. А тот, ради чьей улыбки она согласилась, будет ждать возвращения. С платком. Живой или мертвой — ему без разницы.

Одно Тесс усвоила точно: стать монстром — единственный способ не стать добычей.

Первая книга серии «Изнанка».

Содержание

От автора	5
Пролог	7
Глава 1. Дым над Джефферсон-стрит	10
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Рован Вэнс

Дверь Изнанки

От автора

Эта книга — художественное произведение в жанре тёмного городского фэнтези и нуара. Главные герои и всё, что с ними происходит, вымышлены. Отдельные исторические лица, места, события и предметы эпохи упомянуты для достоверности, но их поступки, слова и мотивы в этой книге придуманы автором и не претендуют на документальность. Чикаго 1923 года здесь живой, но не музейный.

Действие разворачивается в криминальной среде эпохи сухого закона. Герои нарушают закон, курят, употребляют алкоголь и опиаты, применяют насилие и говорят на языке своего времени и своего круга, включая грубую брань и предрассудки, неприемлемые сегодня. Всё это показано как часть их мира и как то, что этих людей разрушает. Ни автор, ни книга не оправдывают и не пропагандируют ничего из перечисленного.

Возрастное ограничение 18+. Книга содержит нецензурную лексику, сцены насилия, изображение зависимости, а также сцены курения и употребления алкоголя. Если эти темы для вас тяжелы, пожалуйста, выберите другую историю.

Я не обижусь.

Пролог

Чикаго, 1923. Ночь. Район Нижнего Вест-Сайда.

Я бежала.

Каблуки стучали по мостовой Морган-стрит, мешая нормально разогнаться, но сбрасывать туфли было нельзя. Не хватало напориться на битое стекло или поскользнуться на вонючей луже. Мимо в сточную канаву прошмыгнула крыса, из разбитой бутылки у входа в подпольный бар несло паленым джином. Легкие горели, в боку кололо, сердце билось в горле. Казалось, еще сто ярдов такого забега, и я выплуну его в очередную лужу. Я летела вперед, прижимая к груди сверток, и молилась всем богам, чтобы ноги не подвели.

Сзади — топот. Много. Трое, может, четверо. Свистки, мат на итальянском, выстрел в воздух. Пуля чиркнула о кирпич где-то над головой, осыпав пылью плечи. Едкий пот заливает глаза, смешивается с кровью из разбитой губы. Когда успела приложиться?

Я свернула в узкий проезд между Форкер-стрит и Тейлор, едва не вписавшись в стену. В лицо ударил запах гнили и мочи, смешанный с серной гарью из подвала. Из темноты донеслось пьяное бормотание — кто-то спал в подворотне, укрывшись вчерашней Chicago Tribune.

Дальше. Только дальше.

Вылетела на Халстед-стрит. Справа — ресторан «Золо-

той наперсток», из открытых дверей хлещет фокстрот, смех, звон посуды. У входа женщина в боа и мужчина в котелке о чем-то спорят.

— ...говорю тебе, этот саксофонист вчера...

— ...чтоб я еще раз пошла в этот...

Их голоса оборвались, когда я пронеслась мимо, вдохнув запах сигарет и жженого сахара. Мужчина что-то крикнул вслед, но прохладный ветер с озера Мичиган унес слова.

Снова поворот. В темную щель Десплейнс-стрит.

Тупик.

Твою мать.

Глухая кирпичная стена в десяти футах. Ни дверей, ни проходов. Ржавая пожарная лестница, но слишком высоко, не допрыгнуть. От мусорных баков несет так, что желудок подпрыгнул к горлу.

Я развернулась, но из переулка уже вылетели двое. Третьего не было видно, но свистки все ближе. Полицейские? Или его люди? Или те и другие?

— Стоять! — заорали по-английски. Полиция.

Где они были пять минут назад?

Пьяница, отливающий у стены, обернулся, икнул и попытался что-то сказать, но я уже не слушала. Рванула обратно, и тут грохнул второй выстрел. Пуля выбила искру из гранитной брусчатки в трех футах, обдав каменной крошкой лодыжки.

Назад.

Обратно мимо «Золотого наперстка», теперь в другую сторону. Фокстрот сменился чем-то джазовым. Кинг Оливер? Из дверей вывалились трое в смокингах, девушка в блестящем платье громко хохотала. Я врезалась в них плечом, кого-то толкнула, слышала мат, извинения.

— Кумари, ахтунг! — крикнул кто-то с акцентом.

Влетела в следующий пролет, перепрыгнула через мусорный бак, чуть не упала, удержалась, вцепившись в стену. Ладони заскользили по потекам на кирпиче. Чуть не вписалась лицом. Ноготь на указательном сломался под корень. Зараза, больно!

Сзади — топот тяжелых сапог. Полицейские свистки теперь выли со всех сторон, будто весь город поднялся на уши.

— Дернешься, и я стреляю!

Глава 1. Дым над Джефферсон-стрит

Чикаго, 1923. Спикизы «Белые ручки». За прачечной на Джефферсон. Двумя днями ранее.

В «Белых ручках» было накурено так, что посетители за дальними столиками превращались в расплывчатые силуэты. Дым висел слоями: под потолком стелился сизый сигарный фронт, пониже — желтоватая взвесь дешевых папирос, а между столиками все это смешивалось с потом, тяжелыми духами и пролитым джином. За стеной, в прачечной, натужно бухали паровые катки, и эта вибрация отдавалась в подошвах, сливаясь с джазом.

Оркестр негров на маленькой эстраде наярывал что-то быстрое. Пианино заливалось так, что казалось, клавиши вот-вот вылетят в зал. Трубач терзал сурдину, и звук выходил то хриплый, как лай старого пса, то тонкий, доходящий до бабьей истерики. Барабанщик шуршал щетками по малому — чш-чш-чш, чш-чш-чш — и под этот ритм дюжина флэпперш на танцполе трясла перьями и ногами. Бисер на их платьях мерцал в полумраке, как чешуя дохлой рыбы. Чарльстон. Что же еще.

Я сидела у стены, прижавшись спиной к дубовым панелям. Отсюда было видно и парадный вход, и черную лестни-

цу к люкам. Привычка. Янина напротив перебирала какие-то бумаги, хотя какой там, при свете единственной лампочки под красным абажуром цифр все равно не разобрать. Она просто делала вид, что занята делом, чтобы к ней не приставали.

Настоящая милашка. Пшеничные локоны, детские щечки и теплые карие глаза — такими только на рождественских открытках торговать. Ей было двадцать два, а выглядела на семнадцать, пока не начинала считать. А считала Янина так, что мать родную бы продала и сдачу посчитала. Не повезло ей родиться полькой в этом городе. В Чикаго такие мозги либо возносят тебя к боссам в Лупе, либо заставляют бежать по переулкам от пули в затылок.

Поляков в Чикаго не любят. Слишком много их понаехало, слишком громко лают на своем наречии, слишком дешево продают свои спины на бойнях Юнион Сток-Ярдс. Чикаго — город великих возможностей, если в твоём имени нет лишних согласных.

Но Янину взяли. Три года назад Чезаре притащил ее в контору, ткнул пальцем в сторону старого счетовода и бросил короткое: «Проверь». Старик мурыжил ее неделю. А потом выдал: «Она гений». С тех пор она сидела в своем углу, обложившись grossбухами, и ее не трогали. Даже итальянцы, эти цепные псы с Тейлор-стрит, уважали то, что приносит чистую прибыль.

— ...и вот этот индюк мне выдает: «Я-то думал, ты уме-

ешь танцевать», — тянула Янина, помешивая соломинкой лед в стакане. — А я ему: «Я-то думала ты умеешь помалкивать. И покупать выпивку».

Я хмыкнула, прихлебывая джин. Роберто, наш бармен, гнал его из какого-то адского варева, но на вкус оно шло мягко, как воскресный лимонад. А потом — бац! — и ты уже всерьез доказываешь стене, что она неровно положена. Лучший «ванный джин» в западной части города, клянусь. И плевать, что у Роберто руки забиты синими наколками по самые локти, а сам он должен был гнить за решеткой еще пять лет. В этом подвале он был богом и алхимиком.

— И что он? — спросила я, наблюдая за игрой света на ее волосах.

— А ничего. Скис. Ушел к той рыжей курве из «Голубой устрицы».

— Мудак.

— Мудак, — легко согласилась Янина. — Но у него были чертовски симпатичные усики.

Тут к нашему столику подплыл Марко. Щуплый, вертлявый, с вечно бегающими глазами и улыбкой, от которой зудели кулаки, но до дела почему-то не доходило. Семнадцать лет, а гонору, будто он правая рука самого Торрио. Пару дней назад Чезаре доверил ему перегнать грузовик с джином на юг, к тем грекам, что держат казино на Двадцать второй. Теперь Марко ходил гоголем, словно лично затыкал дыры в бюджете Иллинойса.

— Привет, Снежинка, — выдал он, бесцеремонно падая на свободный стул.

Он вытянул мою недокуренную папиросу из пепельницы, глубоко затянулся и выпустил дым в потолок с видом пресыщенного жизнью лорда.

— Как жизнь за полярным кругом? — нагло подмигнул малец.

— Не зови меня так, Марко, — я приложила к стакану, гася желание съездить ему по морде. — В глаз дам.

Марко обиженно засопел. У него даже сопеть получалось нахально.

— Да ладно, мистер Моретти же зовет.

— Мистер Моретти меня так зовет исключительно потому, что он мистер Моретти. Попытка дать ему в глаз станет последним, что я сделаю в этой жизни. А ты — просто мелкий клоп.

— Тесс, ты такая грубиянка, — Марко приложил руку к сердцу, изображая умирающего от любви. — А все равно украла мое сердце. Профессионал!

Янина прыснула в бокал. Содовая полезла носом, она закашлялась, замахала руками, и это выглядело так по-детски нелепо, что я не выдержала. Уголки губ сами поползли вверх. Черт с ним, с этим мелким выскочкой.

— Сгинь уже, Казанова, — выдохнула я. — Скажи Роберто, пусть повторит. И плесни себе лимонада, раз уж приземлился за наш стол.

Марко вскочил, отдал честь двумя пальцами — жест, подсмотренный в дешевых киношках, — и исчез в табачном ма-реве, лавируя между столиками с грацией уличного карман-ника.

Янина вытерла выступившие слезы.

— Господи, Тесс... С ним как в цирке.

Я почувствовала легкое касание по плечу. Даже не обо-рачиваясь, знала: это Родриго.

Младший брат Чезаре, его правая рука. Многие называ-ли его тенью, «чистильщиком» или просто человеком, ко-торый заставляет проблемы испаряться вместе с людьми. Но я знала другое. Родриго был славным малым...насколь-ко это вообще возможно для того, кто носит под левой подмышкой заряженный «Кольт». Немногословный (редкая аномалия для макаронника), исполнительный. Спокойный, как удав. С такими либо в разведку, либо в гроб, и он явно вы-бирал первое. Этого высокого, ладно скроенного типа было за что уважать: он никогда не обнажал зубов без команды.

— Он хочет тебя видеть, — негромко сказал мне на ухо мягкий баритон.

Голос у него был чертовски приятный, обволакивающий, как старый бурбон. С Чезаре они звучали почти одинако-во, фамильная порода, но если у старшего в голосе порой проскальзывало брезгливое превосходство, то Родриго умел шептать так, что по коже бежали мурашки. И вечная эта его полуулыбочка, за которой никогда не угадаешь: то ли он

тебя любит, то ли прикидывает, куда закопает.

Я кивнула Янине, давая понять, что посиделки окончены. На Марко бросила короткий предупреждающий взгляд. Тот как раз возвращался к нашему столику с двумя стаканами. Увидел Родриго, и его ухмылка сползла с лица. Даже этот наглый щенок знал, когда стоит прикусить язык.

— Не будем заставлять ждать старшего Моретти, — сказала я, оправляя платье. — Красавчик этого не любит.

Мы прошли мимо барной стойки. Роберто поднял глаза от стакана, который протирал, коротко кивнул. Я кивнула в ответ. Крест на его ладони подпрыгивал в такт движениям, словно благословляя каждый глоток паленого виски, который он разливал в этой дыре.

Я вошла в святую святых, и тяжелая дубовая дверь отсекала визг джаза, оставив его где-то в другом измерении.

Кабинет встретил коктейлем из запахов: старая бумага, горьковатый дровяной дым и тонкий шлейф крепкого алкоголя. В камине потрескивали поленья, выплевывая искры и бросая на стены длинные, ломаные тени.

Здесь ничего не менялось добрых двадцать лет, еще с тех пор, как за монументальным столом восседал старик Моретти. Темное дерево, тяжелые пыльные портьеры и ровные ряды книжных шкафов. Кожаные корешки фолиантов поблескивали золотом, но я знала: их никто никогда не открывал, они служили лишь декорацией для сделок, которые

не любят свидетелей. С портрета над камином суровый старик буравил меня взглядом, полным презрения. Я платила ему той же монетой. Не знаю, была ли обстановка по вкусу Чезаре, но после похорон отца он ничего не менял.

Сам Чезаре вальяжно растекся в кожаном кресле у камина. Огонь высвечивал его точеный профиль, играл на перстне с печаткой, делал глубже тени под скулами. Красивый сукин сын. И знал это.

— Мистер Моретти, — коротко бросила я, застыв у порога.

Чезаре усмехнулся. Он перевел на меня взгляд с ленивой грацией сытого хищника, что смотрит на зашедшую в клетку коосулю. Темные глаза блеснули в отсветах пламени.

— К чему официоз, Снежинка? Мы здесь одни.

Я покосилась на Родриго. Тот замер у двери, сложив руки на груди, и даже бровью не повел.

— Не притворяйся, — фыркнула я и без приглашения плюхнулась в соседнее кресло. — Ты бываешь милым только после третьей порции бурбона. И если я не накосячу.

Чезаре едва заметно хмыкнул, но за наглость не осадил. Родриго, возникнув из тени, протянул и мне стакан. Я отказываться не стала. Не каждый день Моретти угощают пойлом такого качества, которое не выедает слизистую вместе с грехами. Кожа кресла глухо скрипнула под моим весом, я откинулась на спинку, вдыхая аромат выдержанного дуба и ванили. Видать, работенка предстояла такая, что без анесте-

зии не обойтись.

— Верно, — наконец отозвался Чезаре, салютуя мне стаканом. — Но ты не косячишь.

Граненый хрусталь поймал всполох огня, и светлый блик скользнул по его лицу, высветив тонкий, белесый шрам над левой бровью. В «Белых ручках» шептались, что это последний подарок отца. Прощальный урок перед тем, как старик отправился кормить червей на кладбище Маунт-Кармел. Упокой Господь его душу, если, конечно, у Моретти-старшего она вообще имелась в наличии.

— Сомневаюсь, что ты выдернул меня из зала, чтобы разделить бокальчик перед сном, — отрезала я, возвращая его с небес на землю.

Чезаре отставил стакан и подался вперед, сокращая дистанцию. Прищурился, вглядываясь мне в лицо, и его глаза заблестели **темным золотом**.

— Знаешь, Тесс, ты мне нравишься. Голова работает. И глотка бульдожья, — он повел рукой, очерчивая мой силуэт словно скульптор. — Но изящества... никакого. Чуть мягкости, и мы бы с тобой этот город вдвоем держали.

Я промолчала, лишь крепче сжала стакан. Этот Моретти был тем еще самовлюбленным типом: если не мог повесить лицо прекрасного себя на каждой стене, то пытался переделывать под свой вкус окружающих. Я делала свою работу, и его эстетические страдания по поводу моего «изящества» волновали меня меньше, чем цена на уголь в порту.

— Ближе к делу, Чезаре, — холодно поторопила я.

— Нужно кое-что достать, — резко сбросил он маску оболыстителя.

Я вопросительно выгнула бровь, не спеша задавать вопросы. Пусть сам выкладывает карты.

— Платок. Черный шелковый платок с вышивкой.

— Ты это серьезно? Ради тряпки ты устроил этот спектакль? У тебя под боком Сара, пошли ее в «Маршалл Филдс» в центре, там этого добра навалом. Я-то тебе зачем?

Чезаре громко расхохотался. Родриго за моей спиной не шелохнулся, но я готова была поклясться, что он тоже улыбнулся краешком губ.

— За кого ты меня принимаешь, Снежинка? Это тебе не тряпка из корзины с уценкой. Коллекционный раритет. Вещь с историей. Принадлежала одной... большой знаменитости. Знающие люди отвалят за это кучу зеленых.

— Бред, — отрезала я, не поддаваясь на его театральный тон. — Кто в здравом уме выложит целое состояние за кусок шелка?

— О, ты даже не представляешь, на что готовы пойти люди, одержимые прошлым.

— И что за знаменитость?

Чезаре небрежно махнул рукой. Золотой перстень на мизинце поймал отблеск огня, вызываяще ярко сверкнув на фоне безупречного синего сукна его костюма в тонкую меловую полосу.

— Какая-то старая французская фамилия. Де Ланкрэ? ДАнкрэ? — он поморщился. — Черт, не помню. Да и какая разница? Главное не имя на ярлыке, а то, сколько нулей готов вписать в чек заказчик.

Я помолчала, перебаривая. Потом спросила то, что волновало меня больше всего:

— Моя доля?

— Пятьсот. Чистыми. Твои.

Я не удержалась и коротко присвистнула. Пятьсот баксов. За такую сумму в Чикаго можно было купить новенький «Форд», обставить квартиру и еще полгода не вспоминать о работе. За пятьсот баксов можно было закрыть глаза и на сомнительных коллекционеров, и на странные приказы, и на проклятый шелк, которым какой-то французский щеголь вытирал пот со лба перед тем, как отправиться на гильотину.

— В чем подвох? — спросила я в лоб.

Чезаре картинно прижал ладонь к груди, изображая оскорбленную невинность.

— Почему сразу «подвох»? За кого ты меня принимаешь, Снежинка? Неужели Моретти не может позволить себе минутную щедрость по отношению к своей ледяной королеве?

Я позволила себе дерзость — звонко поставила стакан на инкрустированный столик и пристально посмотрела ему в глаза.

Чезаре выдержал мой взгляд секунд пять. Потом усмехнулся и развел руками.

— Ладно, ладно. Попасть в дом проще на званом вечере. Лишние переменные, все такое. Искомое в сейфе. В спальне хозяина.

— Платок? — я даже не пыталась скрыть скепсис. — В стальном сейфе? В спальне?

— Коллекционеры, — Чезаре пожал плечами с таким видом, будто это слово объясняло любую девиацию человеческой психики.

И, черт возьми, это действительно объясняло. Я встречала таких. Люди, готовые запереть под замок что угодно — от бриллиантов до гнилых зубов какой-нибудь святой, лишь бы это было «уникально».

— Мне нужно приглашение на вечер, — сказала я, уже прикидывая план. — Когда начнется этот балаган?

Чезаре довольно улыбнулся. Нравилось ему, как быстро я схватываю.

— Родриго, передай нашей несравненной мисс вот тот конверт у меня на столе.

Тень за моей спиной пришла в движение. Родриго протянул мне плотный прямоугольник из дорогой бумаги, пахнущий типографской краской. Я сунула его в сумочку, даже не взглянув на адрес. Разберусь позже, в тишине.

— Поняла, — коротко кивнула я и направилась к выходу, чувствуя на спине взгляды обоих братьев.

У самой двери голос Чезаре настиг меня, заставив на секунду замереть:

— Тебя ждет подарок, Снежинка. В твоей комнате. Настоятельно советую им воспользоваться. И...тебе ведь не нужно напоминать о правилах?

— Разумеется, — буркнула я, не оборачиваясь, и вышла вон, в спасительный шум и чад «Белых ручек».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.